

© 2017 г.

Р.В. ДОЛГИЛЕВИЧ

СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ДОГОВОРЕННОСТЬ О ЧЕТЫРЕХСТОРОННИХ ПЕРЕГОВОРАХ ПО ЗАПАДНОМУ БЕРЛИНУ (март 1969 — март 1970 года)

*Долгиевич Ростислав Владимирович — кандидат исторических наук, профессор
(Москва, Россия).*

В конце 60-х годов XX в. Западный Берлин оставался опасным источником напряженности в Европе. Об этом убедительно свидетельствовал «третий берлинский кризис», разразившийся в конце 1968 — начале 1969 гг.¹ Вместе с тем этот кризис показал, что и на Западе, и на Востоке росло понимание ненужности конфронтации в Западном Берлине и необходимости поиска компромисса. Этой тенденции способствовали перемены в международной обстановке и в развитии внутрисполитической ситуации в ФРГ, а также в позициях Сената Западного Берлина.

В статье предпринимается попытка выяснить роль советской дипломатии в достижении договоренности о четырехсторонних переговорах по Западному Берлину и показать, какие задачи она ставила перед собой на этих переговорах. Хронологические рамки статьи — март 1969 — март 1970 гг., т.е. период от завершения «третьего берлинского кризиса» до начала переговоров представителей СССР, США, Англии и Франции по Западному Берлину 26 марта 1970 г.

В советской исторической литературе вопрос о предыстории четырехсторонних переговоров по Западному Берлину специально не рассматривался. В монографии бывшего посла СССР в ГДР П.А. Абрасимова, которую можно считать также источником по исследуемой теме, этот вопрос затрагивается лишь вскользь. Автор проводит мысль о том, что начало переговоров СССР, США, Англии и Франции по Западному Берлину стало следствием советской инициативы². Эта же мысль проводится и в совместной работе Г. Кириллова и Ю. Ржевского о четырехстороннем соглашении по Западному Берлину³. В монографиях советского дипломата В.Н. Белецкого (псевдоним: «Высоцкий») и Г.М. Акопова⁴ вопрос о предыстории четырехсторонних переговоров не ставился.

В современной российской историографии также нет работ, в которых рассматривалась бы исследуемая проблема. Она лишь косвенно затрагивается в монографии В.А. Беспалова о западноберлинском транзите в 1945—1971 гг. Автор не ставит вопрос о том, кто внес предложение начать переговоры по Западному Берлину, но приведенные им факторы свидетельствуют о том, что действия всех заинтересованных сторон

¹ Долгиевич Р.В. «Третий берлинский кризис». 1969 год. — Новая и новейшая история, 2016, № 2.

² Абрасимов П.А. Западный Берлин вчера и сегодня. М., 1980, с. 81.

³ Кириллов Г., Ржевский Ю. Важный фактор разрядки в Европе. Четырехстороннее соглашение по Западному Берлину. М., 1978, с. 22—23.

⁴ Высоцкий В.Н. Западный Берлин и его место в системе современных международных отношений. М., 1971.

⁵ Акопов Г.М. Западный Берлин. Проблемы и решения. М., 1974.

способствовали достижению договоренности о переговорах⁶. Некоторые аспекты вопроса о предыстории четырехсторонних переговоров освещены в монографии автора статьи⁷.

В ГДР достижение договоренности о четырехсторонних переговорах по Западному Берлину не стало предметом специальных исследований, но некоторые близкие по содержанию вопросы затрагивались в совместной монографии Г. Кайдерлинга и П. Штульца о Берлине в 1945–1975 гг.⁸

В работах немецких историков, опубликованных в ФРГ вскоре после подписания соглашения по Западному Берлину, основное внимание уделялось анализу содержания этого соглашения. Что же касается предыстории четырехсторонних переговоров, то в этих работах преобладало мнение, согласно которому инициаторами переговоров были западные державы и ФРГ, а не Советский Союз⁹.

Из работ современных немецких историков наиболее близка к рассматриваемой проблематике монография З. Алиша¹⁰.

Статья написана на основе документов Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), большинство из которых впервые вводится автором в научный оборот¹¹. Особенно большое научное значение имеют документы фонда 0742, имевшие гриф «секретно» или даже «совершенно секретно». В них затрагиваются наиболее важные стороны политики СССР в отношении Западного Берлина. В некоторых случаях эти документы носили вариативный характер и предлагались Министерством иностранных дел (МИД) СССР в качестве основы для обсуждения в ЦК КПСС.

В фонде 742 АВП РФ, в отличие от фонда 0742, собраны донесения референтуры по ГДР в МИД СССР, которые не были засекречены. В фонде 56-б хранятся донесения ТАСС по Западному Берлину. Эти материалы не только позволяют выяснить ход событий, но и определить, как эти события оценивались советскими дипломатами, на основе какой информации формировалась позиция МИД СССР в берлинских делах. В статье использованы также: сборник документов по германской проблематике за 1967–1971 гг., подготовленный Третьим европейским отделом МИД СССР¹²; изданный в ГДР Институтом международных отношений Академии им. В. Ульбрихта сборник документов «Западноберлинский вопрос»¹³; периодическая печать СССР, США, ГДР, ФРГ и Западного Берлина. Некоторые материалы почерпнуты автором из мемуаров советских дипломатов Ю.А. Квицинского и В.М. Фалина¹⁴.

⁶ Беспалов В.А. Западноберлинский транзит (1945–1971): дипломатия холодной войны. М., 2015, с. 277–278.

⁷ Долгилевич Р.В. Советская дипломатия и Западный Берлин (1965–1969 гг.). СПб., 2016, с. 239–267.

⁸ Кайдерлинг Г., Штульц П. Берлин 1945–1975. М., 1976.

⁹ Quist R. Ostpolitik, Völkerrecht und Grundgesetz. Starnberg, 1972; Ziwie E.R. Der Rechtsstatus, des Landes Berlin. Eine Untersuchung nach den Viermächte-Abkommen vom 3. September 1971. (West) Berlin, 1973; Mahncke D. Berlin im geteilten Deutschland. München–Wien, 1973; Schiedermaier H. Der völkerrechtliche Status Berlins nach dem Viermächte-Abkommen 3. September 1971. (West) Berlin, Heidelberg, New York, 1975; Hacker J. Der Viermächtestatus von Berlin.— «Berlin Fibel. Berichte zur Lage der Stadt». (West) Berlin, 1975; Hacker J. Der umstrittene Status Berlins. — Partnerschaft mit dem Osten. 10 Beiträge zur Lage Deutschland nach den Verträgen. München, 1976; Hennig O. Die Bundespräsenz in West-Berlin. Entwicklung und Rechtscharakter. Köln, 1976.

¹⁰ Alisch S. Die Berlin-Politik der SED zwischen Bau und Fall der Mauer. München, 2004.

¹¹ Некоторые материалы использованы автором в монографии «Советская дипломатия и Западный Берлин (1965–1969 гг.)».

¹² Министерство иностранных дел СССР. Третий европейский отдел. Историко-дипломатическое управление. Сборник основных документов по вопросам отношений СССР с ГДР и ФРГ и германской проблематике (1967–1971 гг.). М., 1972 (далее — Сборник основных документов).

¹³ Die Westberlinfrage. Dokumentation. Potsdam–Babelsberg, 1971.

¹⁴ Квицинский Ю.А. Время и случай. Заметки профессионала. М., 1999; Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. М., 1999.

НАЧАЛО ПУТИ

В 1968 г. как в Москве, так и в столицах трех западных держав Лондоне, Париже и Вашингтоне мало кто мог предположить, что примерно через 2 года начнутся четырехсторонние переговоры по Западному Берлину. Но именно тогда, в 1968 г., заведующий Третьим европейским отделом МИД СССР В.М. Фалин с согласия министра иностранных дел А.А. Громыко дал указание сотрудникам референтуры по Западному Берлину разработать позицию Советского Союза для переговоров по всему комплексу вопросов, касающихся Западного Берлина. К весне 1969 г. это поручение было выполнено. В основе советской позиции лежал тезис о неизбежности Потсдамских договоренностей. Предусматривалось, в частности, что СССР через правительство ГДР в любой момент мог потребовать от западных властей отчета в выполнении ими своих оккупационных обязанностей в Западном Берлине¹⁵.

Сейчас трудно ответить на вопрос, насколько объективно референтура МИД по Западному Берлину оценивала готовность трех западных держав к компромиссу и могла ли стать разработанная ею концепция основой для переговоров. Однако сам факт разработки этой концепции свидетельствовал о том, что советская дипломатия старалась держать дверь к переговорам по Западному Берлину открытой.

Критическая ситуация вокруг Западного Берлина, сложившаяся в ходе «третьего берлинского кризиса», была одной из причин установления в феврале 1969 г. секретного канала связи между послом СССР в США А.Ф. Добрыниным и помощником президента США по национальной безопасности Г. Киссинджером¹⁶. Рациональное использование этого канала способствовало созданию атмосферы, в которой в 1970 г. стали возможными переговоры четырех держав по Западному Берлину.

В частности, большое значение имело заявление Киссинджера, сделанное 3 марта 1969 г. во время беседы с Добрыниным. Западные державы, сказал помощник президента США по национальной безопасности, «надеются на то, что через некоторое время нам удастся в конфиденциальной форме обменяться мнениями о том, нельзя ли найти более длительное решение западноберлинского вопроса, чтобы “ни ваши, ни наши союзники” не могли время от времени устраивать кризисы, подобные нынешнему»¹⁷. Мы готовы посмотреть, «что можно будет сделать в указанном выше направлении, чтобы избежать повторения того, что происходит сейчас»¹⁸.

«Более длительное решение» западноберлинского вопроса могло быть найдено только в плоскости четырехсторонних переговоров между представителями СССР, США, Англии и Франции. При этом прежде всего нужно было договориться о предмете и конкретном содержании переговоров. Однако в марте 1969 г. ни одна из сторон не внесла официального предложения начать такие переговоры. Правда, правящий бургомистр Западного Берлина К. Шютц, возвратившись из США, где он принимал участие в похоронах бывшего президента США Д. Эйзенхауэра, заявил 3 апреля 1969 г., что, по его мнению, «президент Никсон будет готов обсудить с Советским Союзом проблему разумного изменения нынешнего статус-кво в Берлине»¹⁹.

В течение первых месяцев после «третьего берлинского кризиса» обстановка в Западном Берлине и вокруг него оставалась нервной и характеризовалась различными эксцессами — от незначительных до относительно серьезных. В конце апреля 1969 г. озабоченность западноберлинской общественности вызвали полеты над городом самолетов военно-воздушных сил СССР. По сообщению газеты «Тагесшпигель», в первой половине дня 26 апреля 1969 г. 14 советских реактивных самолетов совершили

¹⁵ Квицинский Ю.А. Указ. соч., с. 268–271.

¹⁶ Секретный канал А.Ф. Добрынин — Г. Киссинджер: документы Архива внешней политики Российской Федерации. — Новая и новейшая история, 2006, № 5.

¹⁷ Имелся в виду «третий берлинский кризис».

¹⁸ Новая и новейшая история, 2006, № 5, с. 131–132.

¹⁹ АВП РФ, ф. 56-б, оп. 28, п. 1447, д. 151, ТАСС, 4.IV.1969, л. 24-ВЕ.

демонстративные полеты над западноберлинской территорией. Ссылаясь на данные представителя западноберлинской полиции, газета заявила, что это были самолеты «МиГ». Они шли двумя группами — в одной четыре, в другой — десять боевых машин. Самолеты летели так низко, что отчетливо были видны «советские звезды»²⁰. Газета «Берлинер Morgenpost» уточняла, что самолеты шли на бреющем полете и летели «поразительно медленно»²¹.

28 апреля 1969 г. Шютц заявил, что Сенат «с чувством озабоченности» наблюдал проведенные 26 апреля над Берлином маневры советских реактивных истребителей. Мы тем более благодарны трем западным державам — защитницам, подчеркнул Шютц, за то, что они «так быстро и так недвусмысленно» выразили протест против этих действий советских военных властей. Правящий бургомистр подчеркнул, что «Западный Берлин имеет особый статус и уже только потому не должен быть местом проведения советских воздушных учений»²². Очевидно, эти учения не имели конкретной военной цели. Они имели демонстрационный характер и должны были еще раз напомнить западной стороне о правах СССР в Берлине и о мощи советской военной группировки в ГДР.

В Западном Берлине не прекращались антисоветские акции праворадикальных сил. Серьезный инцидент произошел 30 июля 1969 г. В ранние утренние часы было совершено нападение на бюро западноберлинского представительства советского акционерного общества «Интурист». Злоумышленники разбили камнями витрину бюро и произвели в нее выстрел. ТАСС обращало внимание, что «это нападение было осуществлено в обстановке непрекращающихся неофашистских выходок в городе». Эта преступная акция стала третьей за 1969 год провокацией против бюро «Интуриста» в Западном Берлине²³.

Осуждая провокацию против бюро «Института», газета «Вархайт», орган партии СЕПГ — Западный Берлин, писала: «Поскольку подобного рода нападение уже не первое, то вполне обоснованным является предположение, что преступников следует искать среди антикоммунистических кругов. Однако полиция до сих пор не задержала ни одного из виновных»²⁴.

Подобные факторы оказывали, конечно, негативное воздействие на положение дел в западноберлинском вопросе. Но не они определяли основное направление советской политики в отношении Западного Берлина.

После «третьего берлинского кризиса» СССР и его союзники, как и прежде, делали ударение на непринадлежности Западного Берлина к ФРГ. Так, в обращении государств-участников Варшавского договора ко всем европейским странам, принятом на совещании Политического консультативного комитета в Будапеште 17 марта 1969 г., подчеркивалось, что «Западный Берлин имеет особый статус и не принадлежит Западной Германии»²⁵. В заявлении Советского правительства от 10 апреля 1969 г. в связи с 20-летием НАТО говорилось, что для обеспечения мира и безопасности в Европе «требуется, чтобы правительство ФРГ отказалось от своих абсолютно незаконных претензий в отношении Западного Берлина, не раз создававших опасные ситуации»²⁶.

Вместе с тем советское руководство все больше склонялось к мысли, что СССР «в состоянии поднять акции сторонников большей сбалансированности внешней политики ФРГ, дополняя твердость в отстаивании своих интересов гибкостью и раскрывая потенциал добрососедского сотрудничества»²⁷. Под сторонниками «большей

²⁰ Der Tagesspiegel, 27.IV.1969.

²¹ Berliner Morgenpost, 27.IV.1969.

²² АВП РФ, ф. 56-б, оп. 28, п. 1447, д. 147, ТАСС, 29.IV.1969, л. 7-АД.

²³ Там же, ТАСС, 29.IV.1969, л. 7-АД.

²⁴ Die Wahrheit, 31.VII.1969.

²⁵ Сборник основных документов, с. 339.

²⁶ Там же, с. 352.

²⁷ Фалин В.М. Указ. соч., с. 127.

сбалансированности внешней политики» имелись в виду социал-демократы во главе с В. Брандтом.

Позитивная тенденция в советской политике усиливалась по мере приближения выборов в бундестаг ФРГ в сентябре 1969 г. Ее подметила американская газета «Кристен сайенс монитор», опубликовавшая в конце июня 1969 г. статью «Москва и западные немцы». Есть признаки того, говорилось в этой статье, что «русские руководители недавно несколько изменили свою политику в отношении западных немцев. Они, по сути дела, пытаются по крайней мере потакать “хорошим” западным немцам, если не ублажать их... Русские больше не относятся к западногерманским социал-демократам как к потенциальным реваншистам»²⁸.

Сложившиеся условия дипломатия западных держав и ФРГ сочла благоприятными для того, чтобы прозондировать готовность СССР к обсуждению некоторых аспектов западноберлинского вопроса. Еще в 1968 г., будучи министром иностранных дел в западногерманском правительстве «большой коалиции», Брандт убеждал своих коллег из трех западных держав в необходимости начать переговоры с Советским Союзом, чтобы «добиться улучшений в Берлине и для берлинцев»²⁹. В мемуарах Брандт пишет, что во время конференции НАТО в Вашингтоне в апреле 1969 г. министры иностранных дел по его настоянию договорились о том, что три западные державы по официальным каналам выяснят точку зрения СССР по единственной теме: улучшение положения в Берлине и вокруг Берлина. «Послы в Москве, — отмечал Брандт, — сделали соответствующее представление в июле 1969 г. Они изложили советскому правительству, что федеральное правительство готово к переговорам с ГДР по транспортным проблемам и стремится к улучшению положения в Берлине и вокруг него, особенно в смысле доступа. Затем они дали понять, к каким компромиссам готов Бонн (речь шла о правительстве Большой коалиции) в отношении советских жалоб на некоторые действия ФРГ, относящиеся к Берлину»³⁰.

СССР ГОТОВ К ПЕРЕГОВОРАМ

По мере приближения сентябрьских 1969 г. выборов в бундестаг советская дипломатия проявляла возрастающую осторожность, стараясь «не навредить» тем силам в ФРГ, с которыми были сопряжены возможности позитивных сдвигов в ее внешней политике. Но этого было мало. Со стороны СССР требовалась масштабная внешнеполитическая акция, которая способствовала бы успеху этих сил в предвыборной борьбе. Учитывая, что Западный Берлин был невралгическим пунктом как «холодной войны» в целом, так и совокупности проблем, касавшихся Германии, западноберлинское поле внешнеполитической деятельности становилось исключительно удобным метом для проведения такой масштабной акции.

10 июля 1969 г., выступая на сессии Верховного Совета СССР с докладом о внешней политике Советского Союза, А.А. Громыко сделал заявление, сыгравшее важную роль как в развитии обстановки в Западном Берлине и вокруг него, так и в деле нормализации отношений между СССР и ФРГ.

Громыко подчеркнул, что Западный Берлин требует пристального внимания советской внешней политики, так как за послевоенные годы вокруг этого города не раз возникали осложнения. Министр иностранных дел СССР отметил, что Западный Берлин имеет единственный в своем роде международно-правовой статус. Город расположен в центре суверенного государства — ГДР — и имеет возможность поддерживать связи с внешним миром, только пользуясь коммуникациями ГДР. «Социальное и государственное устройство Западного Берлина, — сказал Громыко, — его

²⁸ Christian Science Monitor, 30.VI.1969.

²⁹ Брандт В. Воспоминания. М., 1991, с. 230.

³⁰ Там же, с. 330—331.

хозяйственная и валютная системы и другие условия, в которых живет его население, отличаются от порядка и условий, существующих в ГДР»³¹.

Но отнюдь не здесь, отметил советский министр иностранных дел, источник трудностей. С точки зрения СССР, они вызывались «незаконными посягательствами использовать территорию города в целях, враждебных ГДР, Советскому Союзу и другим социалистическим государствам»³². Громыко подчеркнул, что СССР выступает за то, чтобы население этого города и его власти имели все условия для деятельности, обеспечивающей нормальное существование Западного Берлина в качестве самостоятельной политической единицы. Однако не может быть позволено, чтобы ущемлялись интересы СССР, законные интересы ГДР и нарушался особый статус Западного Берлина.

Ключевыми в отношении Западного Берлина стали слова Громыко: «Если другие державы, наши союзники по войне, несущие свою долю ответственности за положение в Западном Берлине, будут подходить к этому вопросу с учетом интересов европейской безопасности, то со стороны Советского Союза они найдут готовность к обмену мнениями на предмет того, как предотвратить сейчас и на будущее осложнения вокруг Западного Берлина»³³. Это значило, что дверь к переговорам четырех держав по Западному Берлину была теперь если и не полностью открыта, то широко приоткрыта. Фактически СССР выразил согласие начать обмен мнениями с западными державами относительно возможных путей урегулирования одного из острейших вопросов, неоднократно вызывавшего опасные осложнения международной обстановки.

Большое значение имело также заявление министра иностранных дел СССР о том, что ФРГ имеет не меньше возможностей, чем другие страны, для развития нормальных отношений с Советским Союзом. «Поворот в наших отношениях, — подчеркнул Громыко, — может произойти, и мы хотели бы этого, если ФРГ будет идти по пути мира. Для этого планы реванша за проигранную войну должны уступить место пониманию того, что будущее ФРГ с ее немалыми экономическими и техническими возможностями — в мирном сотрудничестве со всеми государствами, в том числе с Советским Союзом»³⁴.

Брандт назвал заявление Громыко по Западному Берлину советским ответом на западную инициативу³⁵; П.А. Абрасимов характеризовал это заявление как «новую инициативу СССР относительно урегулирования западноберлинских дел»³⁶. В любом случае жители ФРГ и Западного Берлина, ознакомившись с заявлением советского министра иностранных дел, могли поставить перед собой вопрос, что же лучше: продолжение, пусть и модифицированное, конфронтации с Востоком, или хотя бы частичное «примирение» с ним, в том числе и в Западном Берлине. Такая постановка вопроса была более выгодна социал-демократам, чем их политическим оппонентам. Свой окончательный ответ на этот вопрос каждый гражданин ФРГ должен был дать 28 сентября 1969 г. — в день выборов в бундестаг. В этом смысле часть доклада Громыко, которая была посвящена Западному Берлину и германским делам в целом, стала явной поддержкой социал-демократам и лично Брандту.

Примечательно, что заявление Громыко о готовности к обмену мнениями по Западному Берлину было сделано во время пребывания в СССР партийно-правительственной делегации ГДР во главе с председателем Совета Министров ГДР В. Штофом. Ее визит в Советский Союз начался 7 июля и продолжался до 14 июля 1969 г. Вопрос о Западном Берлине не мог не обсуждаться руководителями двух стран в ходе состоявшихся между ними переговоров. Не представляется также возможным, чтобы

³¹ Сборник основных документов, с. 383.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же, с. 382.

³⁵ Брандт В. Указ. соч., с. 231.

³⁶ Абрасимов П.А. Указ. соч., с. 81.

советская сторона не проинформировала делегацию ГДР о подготовке столь важного заявления министра иностранных дел СССР. Однако Л.И. Брежнев, выступая 7 июля на обеде в Кремле, данном в честь делегации ГДР, не сказал ни слова о Западном Берлине. Хотя Генеральный секретарь ЦК КПСС говорил о том, что «борьба с западно-германским империализмом предстоит длительная и сложная»³⁷, в целом его высказывания о ФРГ на этот раз не отличались особой жесткостью.

Штоф в ответной речи тоже не сказал ни слова о Западном Берлине и даже не упомянул политику ФРГ. Зато член Политбюро и секретарь ЦК СЕПГ Э. Хонеккер, выступая 13 июля 1969 г. в Киеве, повторил стандартный набор претензий СССР и ГДР к внешней политике ФРГ, в числе которых было и требование отказаться от посягательств на Западный Берлин и уважать его статус самостоятельной политической единицы³⁸. Эти требования почти дословно были повторены и в совместном заявлении об итогах визита в Советский Союз партийно-правительственной делегации ГДР, в частности, требование отказа ФРГ от посягательств на Западный Берлин³⁹. Содержание совместного заявления подтверждало слова Громыко, что в ходе обмена мнениями по Западному Берлину СССР не пойдет «ни на какие шаги, наносящие ущерб особому статусу Западного Берлина»⁴⁰.

Что же побудило СССР заявить 10 июля 1969 г. о готовности к переговорам по Западному Берлину? Ведь цели советского руководства оставались прежними: «выдавить» в максимальной мере ФРГ из Западного Берлина, добиться международно-правового подтверждения факта не вхождения этого города в состав ФРГ и особого статуса Западного Берлина как самостоятельной политической единицы. Еще одна цель заключалась в том, чтобы наиболее эффективно использовать западноберлинский рычаг для международно-правового признания ГДР, в частности, западными державами и ФРГ.

Советское руководство, вероятно, сделало из «третьего берлинского кризиса» вывод, что «силовые методы» в западноберлинских делах не приносят желаемого результата. Можно было, конечно, воспрепятствовать проведению той или иной акции ФРГ в Западном Берлине, но только при условии, что для ее осуществления не задействованы возможности военно-транспортной авиации западных держав. Именно здесь проходила граница советских возможностей «силового давления» на противоборствующую сторону. Становилось все более очевидным, что пути к достижению советских целей в Западном Берлине следует искать не на полях конфронтации, а в плоскости переговоров и поиска разумного баланса интересов сторон.

Но там же, где проходила граница советских возможностей в Западном Берлине, проходила и граница возможностей западных держав в этом городе. Их военно-транспортная авиация могла доставить в Западный Берлин депутатов бундестага ФРГ и федеральных министров, но они не могли помешать реализации мероприятий ГДР по усилению контроля на наземных коммуникациях, ведущих в Западный Берлин. Провиваться в город с помощью вооруженного конвоя — такой вариант исключался западными державами, потому что он означал бы большую войну в Европе, или, вероятнее всего, Третью мировую войну.

Эту ситуацию, напоминавшую пат, хорошо понимали в Вашингтоне. Американское руководство рассматривало ее в свете концепции перехода от «эры противоборства» к «эре переговоров», провозглашенной Р. Никсоном. Западноберлинская газета «Тагесшпигель» выражала даже опасение по поводу того, что «обе супердержавы (США и Советский Союз) смогут добиться согласия, минуя европейских союзников Америки и во вред им»⁴¹. Опасения газеты по поводу возможных действий США во

³⁷ Правда, 8.VII.1969.

³⁸ Neues Deutschland, 14.VII.1969.

³⁹ Правда, 15.VII.1969.

⁴⁰ Сборник основных документов, с. 383.

⁴¹ Der Tagesspiegel, 13.VII.1969.

вред своим союзникам вряд ли были обоснованными, но в том, что существовала возможность достижения соглашения между СССР и США, газета была права. Советское руководство, выражая готовность к переговорам по Западному Берлину, исходило из того обстоятельства, что такая возможность не только существует, но и вполне может быть реализована. Едва ли вызывало сомнение также и то, что Великобритания и Франция не останутся в стороне, если США будут проявлять готовность к переговорам. Таким образом, одной из главных причин проявления советской готовности к переговорам по Западному Берлину была обоснованная надежда (если не полная уверенность), что этот шаг со стороны СССР найдет благоприятный отклик в США, Великобритании и Франции.

Еще одной причиной проявления готовности СССР к обмену мнениями по Западному Берлину был расчет на то, что этот шаг советской дипломатии укрепит позиции СДПГ и лично Брандта в преддверии сентябрьских 1969 г. выборов в бундестаг. В Москве были уверены, что с социал-демократами найти общий язык будет легче, чем с правительством ХДС. Это касалось всего комплекса германских дел, включая вопрос о Западном Берлине. Не случайно и в ГДР (в кулуарных беседах), и в ФРГ заявление Громыко от 10 июля 1969 г. иногда называли «предвыборным подарком Кремля Брандту»⁴². Определенную роль сыграла и позиция Шютца, неоднократно высказывавшегося в мае – июне 1969 г. за признание факта существования ГДР и границы по Одеру – Нейсе в обмен на признание легитимности связей между ФРГ и Западным Берлином.

Не все, однако, в советском руководстве считали целесообразным поддерживать СДПГ и Брандта. Против этого выступали, в частности, Б.Н. Пономарев и М.А. Суслов. «Консенсус в высшем звене, – отмечал В.М. Фалин, – сложился не сразу. Дипломатическое ведомство активно поддержал Ю.В. Андропов. Своими соображениями и весомой информацией он нейтрализовал скепсис М.А. Суслова, украинских и белорусских представителей. В итоге выкристаллизовалась линия советского руководства, интегрировавшая в себя вероятность смены политического караула на Рейне»⁴³.

На позиции СССР в европейских делах, в частности, западноберлинских, не могла не влиять ситуация, складывавшаяся в отношениях между Советским Союзом и Китаем, особенно с учетом столкновений на границе в районе острова Даманский, происшедших в марте 1969 г. Западноберлинская газета «Берлинер Моргенпост» в связи с этим писала в редакционной статье: «Сообщения о последних столкновениях на советско-китайской границе освещают, подобно вспышке молнии, вопрос, почему Москва придает столь много значения проблеме достижения соглашения с США и консолидации своих завоеваний в Европе»⁴⁴.

Наконец, советское руководство учитывало, что, действительно, «горячими точками» в противоборстве Востока и Запада стали Индокитай и Ближний Восток. США продолжали военные действия во Вьетнаме. Хрупкое перемирие между Израилем и арабскими странами, установившееся после «шестидневной войны» 1967 г., могло быть взорвано в любой день. Советскому Союзу нужно было прилагать значительные усилия: военно-технические, финансово-экономические, политические – для поддержки своих союзников и тех сил, на которые он опирался в «горячих» точках планеты.

Усиление внимания к другим регионам не означало, однако, что СССР перестал рассматривать Европу как основной участок противостояния Запада с Востоком, НАТО с ОВД. Но в геополитических условиях конца 1960-х годов,

⁴² Автор статьи во время служебных командировок в ГДР в 1974–1975 гг. неоднократно слышал подобные высказывания и в университете им. К. Маркса в Лейпциге, и в университете им. В. Гумбольдта в Берлине.

⁴³ Фалин В.М. Указ. соч., с. 128.

⁴⁴ Berliner Morgenpost, 15.VII.1969.

характеризовавшихся опасным обострением обстановки в Индокитае и на Ближнем Востоке, Советскому Союзу, как никогда, нужна была «мирная и спокойная» Европа. Добиться же мира и спокойствия на европейском континенте можно было лишь при условии достижения взаимоприемлемого соглашения по Западному Берлину. Совокупность всех этих причин — одних в большей мере, других в меньшей — и побудила руководство Л. И. Брежнева проявить готовность к обмену мнениями по Западному Берлину.

ДОГОВОРЕННОСТЬ О ЧЕТЫРЕХСТОРОННИХ ПЕРЕГОВОРАХ ПО ЗАПАДНОМУ БЕРЛИНУ

Ответ трех западных держав на выступление Громыко 10 июля 1969 г. последовал меньше, чем через месяц, 6–7 августа 1969 г. послы США, Англии и Франции в СССР сообщили о готовности своих правительств начать беседы в целях уточнения позиций сторон по вопросам улучшения обстановки в Западном Берлине и устранения причин трений в этом районе⁴⁵.

12 сентября 1969 г. Советское правительство выступило с устным заявлением, в котором приветствовало эту готовность⁴⁶. В октябре начались контакты и переписка заинтересованных сторон по вопросам, связанным с возможными переговорами. Они длились до февраля 1970 г.⁴⁷ Эти контакты и переписка имели конфиденциальный характер, но некоторая информация иногда попадала в печать.

Так, газета «Тагесшпигель» в начале декабря 1969 г. опубликовала сообщение о предстоящем визите в Бонн государственного секретаря США У. Роджерса. По сведениям газеты, США готовили предложение в адрес СССР вести в дальнейшем контакты заинтересованных сторон непосредственно в Берлине через послов четырех держав. Сообщалось также, что Роджерс будто бы намеревался «обсудить с западными немцами дальнейший ход контактов трех держав с Советским Союзом по Западному Берлину»⁴⁸. Показательно, что сообщение об этой публикации было незамедлительно отправлено советским посольством в ГДР В. М. Фалину в МИД⁴⁹.

В некоторых случаях публикации о контактах сторон не просто изобиловали неточностями, но и содержали явные искажения фактов, на что не могла не реагировать дипломатия соответствующих государств. Наибольшую известность получил случай с искажением газетой «Тагесшпигель» содержания беседы П. А. Абрасимова с послом США в ФРГ К. Рашем, состоявшейся 11 декабря 1969 г.

Из сообщения газеты следовало, что Раш перед отъездом в краткосрочный отпуск в США, где его должен был принять Р. Никсон, имел беседу с Абрасимовым, в ходе которой американский дипломат «выразил протест против того, что президент Никсон был назван восточногерманскими властями на территории Берлина “убийцей”» в связи с политикой США во Вьетнаме. Как сообщалось, Раш заявил, что «ни один из правящих бургомистров в Берлине при подобных обстоятельствах не назвал бы убийцей советского премьер-министра Косыгина». Абрасимов заверил, утверждала газета, что «эти возражения он доведет до сведения соответствующих властей в Восточном Берлине. В этой связи советский посол сказал, что он надеется, что США смогут держать под контролем политические силы в Западной Германии. Советские власти уверены, что они могут контролировать восточных немцев в любом отношении»⁵⁰.

⁴⁵ Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung, № 127, Sonderausgabe, 3. September 1971, S. 1388; *Абрасимов П. А.* Указ. соч., с. 83.

⁴⁶ АВП РФ, ф. 742, оп. 15, п. 49, д. 22, л. 14.

⁴⁷ *Абрасимов П. А.* Указ. соч., с. 83.

⁴⁸ Der Tagesspiegel, 3.XII.1969.

⁴⁹ АВП РФ, ф. 742, оп. 14, п. 46, д. 23, л. 206.

⁵⁰ Der Tagesspiegel, 18.XII.1969.

В сообщении «Тагесшпигель» говорилось также, что «касаясь актуальной обстановки в Берлине, советский посол повторил упреки по поводу мнимой “провокационной деятельности” федеральных властей в Берлине. Однако, согласно тем же источникам, он не проявил особого интереса к дискуссии по берлинским вопросам»⁵¹. Информировав В.М. Фалина об этой публикации, П.А. Абрасимов подчеркнул, что в ней грубо извращается содержание его беседы с послом США в ФРГ⁵².

Американские военные власти в Западном Берлине проявили серьезную озабоченность публикацией в «Тагесшпигель». В день ее появления, 18 декабря 1969 г., советское посольство в ГДР посетил начальник протокола американской администрации в Западном Берлине В. Дайес. Он был принят первым секретарем посольства СССР П. Хрустальевым, который в соответствии с поручением передал ему в устной форме представление в связи с публикацией в «Тагесшпигель». В представлении говорилось: «У советской стороны возникает вопрос, каким образом могло появиться такое сообщение, грубо искажающее содержание и смысл высказываний посла Советского Союза. Судя по некоторым деталям, оно не может не исходить от официальных американских представителей, присутствовавших на этой беседе. Разумеется, такие действия не согласуются с принятыми нормами дипломатической практики, а также и обычного приличия»⁵³.

В свете этого, отмечалось в представлении, становится непонятно, какое значение придает американская сторона проводимым встречам послов СССР и США. Смысл же представления заключался в словах: «В случае, если американские власти незамедлительно не опровергнут упомянутого выше сообщения, советская сторона оставляет за собой право довести до сведения общественности действительное содержание беседы, имевшей место 11 декабря с.г.». Было также обращено внимание американских властей на договоренность между послами о конфиденциальности этой встречи⁵⁴.

Дайес, со своей стороны, заявил: «Американские власти были обеспокоены появлением сегодня в газете “Тагесшпигель” статьи относительно состоявшейся 11 декабря с.г. встречи посла США К. Раша и посла СССР П.А. Абрасимова. Это сообщение произвело на американские власти отрицательное впечатление, так как оно было совершенно неожиданным и не соответствовало действительности»⁵⁵.

Дайес сообщил также, что власти США в Западном Берлине принимают меры в целях установления источника и каналов, по которым просочились сведения в редакцию газеты. Американское руководство «придает серьезное значение факту нарушения конфиденциального характера встреч послов, ибо считает, что только на этой основе имеется смысл продолжать обмен мнениями по интересующим обе стороны вопросам». Дайес передал советской стороне извинения американских властей в связи с появлением указанной статьи и их заверения в том, что в «случае установления лиц, виновных в факте появления этих, не соответствующих действительности данных, к ним будут приняты соответствующие меры»⁵⁶.

Примерно через час после встречи Дайес сообщил по телефону в советское посольство, что оккупационные власти США в Западном Берлине передали информационным и телеграфным агентствам следующий текст: «Сообщение в сегодняшнем номере газеты “Тагесшпигель” относительно состоявшейся встречи послов К. Раша и П.А. Абрасимова искажает и извращает действительное содержание беседы»⁵⁷.

«Тагесшпигель» сообщила об американском опровержении в следующей редакции: «Представитель миссии США в Западном Берлине опроверг и назвал искажением

⁵¹ Ibidem.

⁵² АВП РФ, ф. 742, оп. 15, п. 49, д. 22, л. 4.

⁵³ Там же, л. 7.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же, л. 6.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

и ошибочной информацией сообщение одной берлинской ежедневной газеты относительно последней беседы между послом США в Бонне Кеннетом Рашем и Петром Абрасимовым. (Речь идет о нашем сообщении, в котором мы писали, что Раш протестовал против того, что президент США Ричард Никсон был назван на территории Берлина властями “ГДР” убийцей в связи с политикой во Вьетнаме. Редакция.) В сообщении говорилось далее, что Абрасимов обещал довести эти возражения до соответствующих восточноберлинских властей... Мы публикуем настоящее опровержение, распространенное “ЮПИ”, не высказывая какую-либо свою точку зрения. Редакция»⁵⁸. Читателям оставалось только гадать, какой же точки зрения придерживается редакция газеты. Эта публикация вряд ли могла удовлетворить советскую сторону.

19 декабря 1969 г. посольство СССР в ГДР еще раз посетил В. Дайес, где его принял третий секретарь посольства Ю.В. Лысов. Дайес заявил, что прибыл в посольство по поручению Раша для передачи его личного извинения Абрасимову в связи с публикацией в «Тагесшпигель» сообщения о встрече советского и американского послов. Послание Раша Абрасимову, переданное Дайесом, гласило: «О статье в “Тагесшпигель” я узнал, находясь в США. Утечка сведений о нашей беседе произошла без моего ведома и вопреки моему желанию. Я очень огорчен тем, что это случилось и что при этом были допущены столь грубые извращения истины. Я хочу принести Вам мои личные извинения и надеюсь, что подобное не повторится и не отразится на наших контактах в будущем»⁵⁹. Дополнительно Дайес сообщил, что опровержение американской стороны относительно публикации в «Тагесшпигель» было передано агентствами ЮПИ, АП, ДПА и радиостанцией РИАС.

Кроме того, из государственного департамента США в советское посольство на имя Абрасимова пришла телеграмма, подписанная Рашем: «Я только что узнал о появлении в “Тагесшпигель” статьи, содержащей подтасованное и искаженное сообщение о части нашей беседы 11 декабря с.г. Очевидно, статья базируется на просочившихся без разрешения сведениях из американской миссии в Берлине. Несмотря на то, что миссия сделала заявление, опровергающее достоверность статьи, я все же считаю, что это никоим образом не возмещает ущерб, нанесенный в результате этой вызывающей сожаление утечки сведений»⁶⁰. Раш еще раз принес извинения по поводу случившегося и вновь заверил, что он не имеет никакого отношения к этому инциденту и весьма сожалеет о происшедшем. Американский посол в Бонне сообщил также, что он предпринял необходимые меры к тому, чтобы подобные инциденты не могли иметь место в будущем⁶¹.

Поведение американской дипломатии во время инцидента с «Тагесшпигель» свидетельствовало о том, что она опасалась срыва советско-американских предварительных бесед и была заинтересована в их продолжении. Это же можно сказать и о позиции советской дипломатии. Участники бесед постепенно приближались к согласию в главном вопросе — о начале четырехсторонних переговоров по Западному Берлину.

16 декабря 1969 г. заместитель министра иностранных дел СССР С.П. Козырев принял послов США, Англии и Франции в Москве — Дж. Бима, Д. Вильсона и Р. Сейду, которые вручили ему идентичные по содержанию памятные записки своих правительств, являвшиеся ответом на устное заявление Советского правительства от 12 сентября 1969 г.

Правительства трех держав, говорилось в памятных записках, «приветствуют готовность Советского Союза обменяться мнениями о том, как избежать осложнений теперь и на будущее вокруг Берлина и доступа к этому городу. Улучшение обстановки внутри города и его связей с внешним миром оказало бы благотворное влияние на

⁵⁸ Der Tagesspiegel. 19.XII.1969.

⁵⁹ АВП РФ, ф. 742, оп. 15, п. 49, д. 22, л. 10.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

общую атмосферу в Европе»⁶². США, Англия и Франция заявили, что, по их мнению, четырем державам, несущим ответственность за Берлин и Германию в целом, следовало бы попытаться достичь договоренности относительно практических мер, направленных на преодоление трудностей и напряженности в этих областях. Поэтому они предлагают, чтобы четыре державы договорились о встрече своих представителей для подробного обсуждения таких мер.

Три державы выразили мнение, что «важной целью таких переговоров было бы предотвращение трудностей в передвижении между Берлином и Федеративной Республики Германии, за что четыре державы по-прежнему несут ответственность»⁶³.

Вторая цель переговоров, говорилось в памятных записках правительств трех западных держав, «заключалась бы в нормализации внутренней жизни Берлина, за что четыре державы также несут ответственность»⁶⁴. США, Англия и Франция заявили, что они «приветствовали бы рассмотрение вопроса о том, каким образом можно было бы наладить передвижение лиц, почтово-телеграфную связь и торговлю между западными и восточным секторами города»⁶⁵.

США, Англия и Франция предложили, чтобы четыре державы «уполномочили представителей своих миссий в Берлине встретиться в этом городе в ближайшее время, договорившись между собой о дате встречи для обсуждения этих и других вопросов, которые пожелал бы выдвинуть Советский Союз»⁶⁶. Предлагалось также на первой встрече согласовать повестку дня и порядок проведения последующих встреч.

ЦК КПСС всесторонне обсудил памятные записки правительств трех западных держав от 16 декабря 1969 г. Основой для обсуждения стала информация Громыко о содержании этих памятных записок. Она была датирована 22 января 1970 г. В этой информации обращалось внимание на то, что «в памятных записках отсутствуют высказывавшийся правительствами западных держав ранее (в августе 1969 г.) тезис о возможности ограничений незаконной деятельности ФРГ в Западном Берлине. Акцент делается на обеспечение «свободного передвижения» между Западным Берлином и ФРГ, что не предусмотрено действующими соглашениями, пересмотр постановлений, «дискриминирующих экономику Западного Берлина (т.е. решений по демилитаризации), обсуждение вопросов связей между Западным Берлином и столицей ГДР»⁶⁷. Кроме того, Советскому Союзу предлагалось проводить обмен мнениями в Берлине на уровне «представителей миссий» сторон, которые, по сообщениям печати, должны были бы встречаться попеременно то в Западном, то в Восточном Берлине. Тем самым, по мнению Громыко, три державы хотели подчеркнуть наличие у них прав в отношении всего Большого Берлина.

Министр иностранных дел СССР отмечал, что США, Англия и Франция не ориентируются на быструю договоренность с Советским Союзом по Западному Берлину. Это объяснялось тем, что «между самими западными державами, а также между ними и ФРГ нет единства насчет целесообразных и оправданных с их точки зрения уступок СССР и ГДР в случае достижения соглашения»⁶⁸.

Громыко полагал, что США рассчитывали использовать активизацию контактов по Западному Берлину для воздействия на позицию своих союзников по НАТО, в частности, в связи с предложением о созыве общеевропейского совещания. Еще одна цель американской дипломатии заключалась в том, чтобы усилить влияние на

⁶² Там же, оп. 14, п. 46, д. 23, л. 216.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же, л. 216–217.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же, ф. 0742, оп. 15, д. 34, п. 97, л. 9.

⁶⁸ Там же.

пришедшее к власти в ФРГ правительство Брандта, «восточная политика» которого вызывала в Вашингтоне известную настороженность⁶⁹.

Общий вывод, содержащийся в информации Громыко, сводился к следующему: «МИД СССР считает целесообразным в ответ на обращение правительств США, Англии и Франции подтвердить нашу готовность к обмену мнениями по Западному Берлину. В качестве даты начала переговоров назвать первую половину февраля 1970 г. Соответственно предмету обмена мнениями предложить провести его в здании бывшего Контрольного Совета в Западном Берлине»⁷⁰. Предусматривалось, что в случае, если западная сторона не согласится с этим, можно было бы предложить, чтобы переговоры проводились в Москве или в другом приемлемом для сторон месте.

В качестве темы переговоров Громыко рекомендовал назвать один вопрос — «улучшение обстановки в Западном Берлине и устранение трений в этом районе». Если бы оказалось, что на основе этой формулировки договориться не удастся из-за стремления западной стороны включить в повестку для вопросы, относящиеся к Берлину в целом, следовало высказаться за обмен мнениями без фиксированной повестки дня, имея в виду, что каждая из сторон сможет изложить соображения по интересующим ее вопросам⁷¹.

Кроме того, было бы целесообразно предложить трем державам договориться о некоторых общих принципах подхода к западноберлинскому вопросу, соблюдение которых создавало бы основу для поддержания спокойной обстановки в этом районе. «Такая тактика с нашей стороны, — подчеркивал советский министр иностранных дел, — затрудняла бы правительству США политические маневры в связи с западноберлинским вопросом и позволила бы раскрыть намерения партнеров по переговорам»⁷².

Из информации Громыко следовало, что имеется договоренность с «немецкими друзьями» о проведении обмена мнениями с западными державами по западноберлинскому вопросу. Но здесь же говорилось о том, что «было бы полезно привлечь внимание друзей к необходимости более тщательного согласования действий в западноберлинских делах. Друзья продолжают практику допуска к голосованию в Народной палате ГДР берлинских представителей на равной основе с другими депутатами, что может побудить западную сторону к аналогичному изложению статуса западноберлинских депутатов в бундестаге или другим шагам в направлении дальнейшего сращивания Западного Берлина с ФРГ»⁷³.

ЦК КПСС признал целесообразным провести обмен мнениями с США, Англией и Францией по Западному Берлину и утвердил проект ответа Советского правительства правительствам трех держав. МИД СССР было поручено «до передачи памятной записки послам трех западных держав в Москве ознакомить с нею руководство государств-участников Варшавского договора, а немецких друзей — в основных чертах с тактикой, которой мы намерены придерживаться в ходе обмена мнениями». В связи с предстоявшим обменом мнениями с западными державами дополнительно к смете МИД на представительские цели выделялась 1000 инвалютных рублей из резервного фонда Совета Министров СССР⁷⁴.

10 февраля 1970 г. Фалин сообщил Громыко, что текст ответа западным державам уже согласован с руководством стран Варшавского договора. «Считаю возможным, — отмечал Фалин, — вручить памятную записку послам США, Англии и Франции 10–11 февраля с.г. Передачу записки целесообразно поручить т. Козыреву С.П.,

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же, л. 10.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

⁷³ Там же, л. 11.

⁷⁴ Там же, л. 12.

которому были вручены памятные записки трех держав по Западному Берлину 16 декабря 1969 г.»⁷⁵.

В памятной записке от 10 февраля 1970 г. правительство СССР подтверждало выраженную в заявлении от 12 сентября 1969 г. готовность к обмену мнениями с целью улучшения положения в Западном Берлине и устранения трений в этом районе. Правительство СССР руководствовалось также тем, что «к данному вопросу необходимо подходить в контексте задач нормализации обстановки и обеспечения безопасности в Европе»⁷⁶.

Принимая во внимание цель обмена мнениями, как она формулировалась сторонами, Советское правительство считало особенно важным «достигнуть договоренности об исключении деятельности, несовместимой с международным статусом Западного Берлина, которая была и остается источником существующей здесь напряженности»⁷⁷. По мнению правительства СССР, в условиях продолжавшейся оккупации Западного Берлина и отсутствия иных совместимых урегулирований, принципиальной основой при рассмотрении практических вопросов, касавшихся этого города, могли быть только Потсдамское и другие четырехсторонние соглашения и решения. Кроме того, советская сторона настаивала на том, что «вопросы связей Западного Берлина и доступа в него не могут решаться в отрыве от законных интересов и суверенных прав Германской Демократической Республики, внутри которой Западный Берлин расположен и чьими коммуникациями он пользуется для своих внешних связей»⁷⁸.

Соответственно предмету обмена мнениями, Советское правительство выразило согласие, чтобы встречи представителей четырех держав проходили в Западном Берлине в здании бывшего Контрольного Совета. Своим представителем для ведения переговоров оно назначило П.А. Абрасимова, который был готов вступить в контакт с уполномоченными на то представителями правительств США, Англии и Франции, начиная со второй половины февраля 1970 г.⁷⁹ Организационные и технические вопросы могли быть уточнены по обычным каналам.

В конце декабря 1969 г. — январе 1970 г. обстановка вокруг западного Берлина снова обострилась. В Бонне было объявлено о намерении властей ФРГ провести в конце января 1970 г. заседание фракций бундестага в Западном Берлине. В связи с этим советское посольство в ФРГ 29 декабря 1969 г. сделало представление федеральному министру иностранных дел В. Шеелю, в котором осуждались запланированные в Западном Берлине мероприятия и говорилось об их противоправном характере⁸⁰.

Министр иностранных дел ГДР О. Винцер информировал МИД СССР о шагах, которые Восточный Берлин намеревался предпринять в связи с предстоящими заседаниями фракций бундестага в Западном Берлине. Планировалось, в частности, направить ноту министерству иностранных дел ФРГ и письмо правящему бургомистру Западного Берлина с протестом против намеченных акций. Предусматривалось также осуществление ряда мер по усилению контроля за транзитным движением по коммуникациям между Западным Берлином и ФРГ в соответствии с ранее достигнутой между СССР и ГДР договоренностью⁸¹. Советское руководство согласилось с намеченными ГДР мероприятиями.

10 января 1970 г. МИД ГДР передало ноту МИД ФРГ, в которой говорилось, что запланированная в Западном Берлине акция направлена против разрядки в центре Европы и одновременно нарушает суверенные права и интересы безопасности ГДР.

⁷⁵ Там же, ф. 742, оп.15, п. 49, д. 22, л. 13.

⁷⁶ Там же, ф. 0742, оп. 15, д. 34, п. 97, л. 13.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же, л. 1.

⁸¹ Там же.

Восточный Берлин призвал ФРГ отказаться от этой акции и предупредил, что «в противном случае правительство Германской Демократической Республики будет вынуждено рассмотреть вопрос о принятии необходимых мер по защите своих суверенных прав и интересов»⁸².

Одновременно министр внутренних дел ГДР Ф. Диккель направил письмо правящему бургомистру Западного Берлина К. Шютцу, в котором планировавшиеся в этом городе заседания фракций бундестага характеризовались как «грубое нарушение» статуса Западного Берлина. Подчеркивалось, что город представляет собой самостоятельную политическую единицу, никогда не был и не является западногерманской землей и не может управляться ФРГ. Диккель призвал Сенат и лично Шютца отказаться от намеченного в городе мероприятия и способствовать тому, чтобы «раз и навсегда положить конец противоправным попыткам включить Западный Берлин в западногерманское государство»⁸³.

Оба документа — нота МИД ГДР и письмо Диккеля Шютцу — были выдержаны в более мягких тонах, чем документы, направлявшиеся Восточным Берлином в подобных случаях правительствам ФРГ, возглавлявшимся ХДС/ХСС.

Руководство ФРГ, однако, не приняло во внимание протесты СССР, ГДР и их союзников. Совет старейшин бундестага 12 января 1970 г. выступил с рекомендацией провести 22 и 23 января в Западном Берлине заседания комитетов бундестага. Эта рекомендация была одобрена социал-демократической фракцией. ХДС/ХСС настаивал на проведении в Западном Берлине заседаний всех органов бундестага одновременно, то есть, по сути дела, его пленарного заседания⁸⁴.

16 января 1970 г. ЦК КПСС обсудил информацию Громыко о положении, создавшимся в результате принятия рекомендации совета старейшин. «Брандт, — отмечал Громыко, — идет явно на поводу у тех кругов в собственной стране и за рубежом, которые хотели бы вновь использовать западноберлинский вопрос для недопущения прогресса в советско-западногерманских отношениях, создания обстановки напряженности в Европе и тем самым осложнения подготовительной работы по созыву общеевропейского совещания»⁸⁵.

МИД СССР считал целесообразным через советское посольство в Бонне высказать Брандту отношение Советского правительства к намеченным действиям властей ФРГ и их возможным последствиям. Представлялось также необходимым довести до сведения президента США советскую оценку линии Вашингтона в европейских делах, и, в частности, подчеркнуть, что «позиция потворства боннским провокациям в Западном Берлине явно расходится с заявлениями о необходимости избегать столкновения советско-американских интересов в этом районе, которые представители американской администрации делали в феврале — марте 1969 г. в связи с незаконными выборами президента ФРГ в этом городе»⁸⁶. Кроме того, ставился вопрос об использовании пребывания в Москве генерального секретаря МИД Франции Альфана для проведения с ним беседы по Западному Берлину.

В информации Громыко говорилось также о необходимости «подтвердить немецким друзьям наше согласие... с их мнением о том, что в связи с действиями ФРГ в Западном Берлине целесообразно усилить контроль на коммуникациях в рамках ранее согласованных между СССР и ГДР мер, которые запрещают проезд через территорию ГДР в Западный Берлин официальных лиц ФРГ, военнослужащих бундесвера, членов неонацистской НДП, провоз материалов бундестага и военную контрабанду»⁸⁷. Эти

⁸² Die Westberlinfrage. Dokumentation, S. 516.

⁸³ Ibid., S. 518.

⁸⁴ АВП РФ, ф. 0742, оп. 15, д. 34, п. 97, л. 6.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же, л. 7.

запреты, пояснил Громыко, носят постоянный характер, но применяются «друзьями» с разной степенью строгости в зависимости от обстановки.

Постановлением ЦК КПСС о мероприятиях в связи с проведением заседаний комитетов бундестага в Западном Берлине утверждались указания советскому послу в Бонне для беседы с Брандтом, послу в Вашингтоне для беседы с Киссенджером и послам СССР в Берлине, Варшаве, Праге, Будапеште, Софии и Белграде⁸⁸. Основу указаний составили положения, содержащиеся в информации Громыко, представленной в ЦК КПСС.

13 января 1970 г. заведующий отделом печати МИД СССР Л.М. Замятин, выступая на пресс-конференции в Москве, отметил, что заседания фракций и комитетов бундестага в Западном Берлине не означают ничего иного, кроме как возвращения к прежней политике правительств ХДС/ХСС. Эта партия, продолжал Замятин, и сейчас пытается подтолкнуть новое правительство ФРГ на старый путь. Он подчеркнул, что такой курс никогда не отвечал интересам населения ФРГ и вел лишь к нагнетанию напряженности в Европе⁸⁹. В целом же высказывания Замятина по Западному Берлину были выдержаны в умеренных тонах и не содержали резких фраз в адрес правительства Брандта.

Намного жестче прозвучало заявление представителя МИД ГДР от 21 января 1970 г. Он «решительно осудил» акции ФРГ в Западном Берлине и охарактеризовал их как «провокацию, всю ответственность за последствия которой должны нести ее инициаторы в Бонне»⁹⁰.

Учитывая, что ФРГ не намеревалась отменять намеченные акции в Западном Берлине, ГДР с согласия и при поддержке СССР усилила контроль на наземных коммуникациях. В результате принятых мер возникли заметные трудности на путях доступа в Западный Берлин. Посол Англии в ФРГ Р. Джеклинг считал эти трудности одними из наиболее серьезных за все 1960-е годы⁹¹.

31 января 1970 г. послы США, Англии и Франции в ФРГ направили идентичные по содержанию письма в советское посольство в ГДР, в которых сообщили Абрасимову об их озабоченности по поводу затруднений в гражданском сообщении между Западным Берлином и ФРГ. В связи с этим представитель советского посольства охарактеризовал претензии западных держав как необоснованные и подчеркнул, что поддерживаемые Советским Союзом мероприятия ГДР вызваны противоправными действиями ФРГ в Западном Берлине. Представитель посольства отметил, что советская сторона будет и в дальнейшем надлежащим образом реагировать на попытки боннских властей незаконно распространять свою компетенцию на Западный Берлин, являющийся особой, независимой от ФРГ политической единицей⁹². Дальнейших дипломатических шагов Запада в этом вопросе не последовало. После заседаний парламентских органов ФРГ в Западном Берлине обстановка вокруг этого города начала входить в обычное русло.

Важным участком борьбы советской дипломатии против присутствия ФРГ в Западном Берлине и распространения ее компетенции на этот город была ООН. В августе 1969 г. представительства трех западных держав и постоянный наблюдатель ФРГ в ООН заявили, что они не намерены в будущем реагировать на протесты других государств против распространения на Западный Берлин международных соглашений ФРГ, что не должно, однако, рассматриваться как изменение их точки зрения по данному вопросу.

⁸⁸ Там же, л. 8.

⁸⁹ Die Westberlinfrage. Dokumentation, S. 518–519. В материалах пресс-конференции, опубликованных в советской печати, эти высказывания Замятина отсутствовали. — Правда, 14.I.1970.

⁹⁰ Die Westberlinfrage. Dokumentation, S. 520.

⁹¹ АВП РФ, ф. 742, оп. 15, п. 49, д. 22, л. 75.

⁹² Правда, 2.II.1970.

В связи с этим Третий европейский и Договорно-правовой отделы МИД СССР направили 24 декабря 1969 г. заместителю министра иностранных дел В.С. Семенову документ, в котором выразили мнение, что «в будущем было бы целесообразно продолжать практику направления в каждом отдельном случае нот протеста в связи с заявлениями ФРГ о распространении заключаемых ею международных соглашений на Западный Берлин. Такие демарши, — подчеркивалось в этом документе, — дают возможность разъяснять и пропагандировать позицию социалистических стран по Западному Берлину среди широкого круга государств — участников различных многосторонних международных соглашений, что уже давно беспокоит ФРГ. Отказ западных держав от продолжения нотной переписки в поддержку правомерности так называемой “берлинской оговорки”, делаемой ФРГ при подписании международных договоров, практически повлечет за собой ослабление позиций ФРГ в этом вопросе»⁹³.

Еще одна важная задача советской дипломатии заключалась в том, чтобы использовать обстоятельства, связанные с Западным Берлином, для укрепления международных позиций ГДР, в частности, для ее международно-правового признания Западом. Об этом свидетельствует реакция МИД СССР на обращение Шютца в конце января 1970 г. к Абрасимову с просьбой способствовать организации его встречи со Штофом или одним из его заместителей для обсуждения вопросов отношений между Западным Берлином и ГДР. Шютц предлагал, чтобы такая встреча состоялась в советском посольстве и носила конфиденциальный характер⁹⁴.

Громыко полагал, что это предложение выгодно СССР, поскольку подкрепляет его права в вопросах, касающихся Западного Берлина. Кроме того, установление прямого контакта западноберлинского Сената с правительством ГДР в канун четырехстороннего обмена мнениями по Западному Берлину создавало как бы «параллельную немецкую плоскость» переговоров и оказывало бы на них соответствующее влияние. Руководствуясь этими соображениями, МИД СССР высказался за то, чтобы контакт с Шутцем был установлен при условии, что речь будет идти о переговорах между правительством ГДР и Сенатом как правительством самостоятельной политической единицы Западный Берлин по вопросам их взаимоотношений на основе общепринятых международно-правовых принципов и с учетом действующих международных соглашений»⁹⁵. Такие переговоры стали бы новым шагом на пути к международно-правовому признанию ГДР.

Во взглядах советского и восточногерманского руководства на некоторые аспекты западноберлинского вопроса имелись определенные различия. Так, по словам восточногерманского министра иностранных дел Винцера, правительство ГДР было готово в любой момент «заключить с Сенатом договор о независимом статусе Западного Берлина. Тем самым Сенат установил бы нормальные отношения с ГДР, на территории которой лежит Западный Берлин как остров в океане»⁹⁶.

В справке, составленной Третьим европейским отделом МИД СССР в марте 1970 г., отмечалось, что «это предложение (заключить договор с Сенатом. — *Р.Д.*) игнорирует права и обязанности других сторон в западноберлинском вопросе, в том числе и права Советского Союза. Вопрос о нормализации обстановки в Западном Берлине ставится вне связи с другими важными вопросами европейской безопасности, в решении которых заинтересованы социалистические страны»⁹⁷. Но в основных вопросах — о непринадлежности Западного Берлина ФРГ и необходимости прекращения в нем «подрывной деятельности» против социалистических стран — взгляды СССР и ГДР полностью совпадали. Это же можно сказать и о трактовке тезиса, согласно которому Западный Берлин является самостоятельной политической единицей. Правда, совет-

⁹³ АВП РФ, ф. 742, оп. 14, п. 46, д. 23, л. 225–226.

⁹⁴ Там же, ф. 0742, оп. 15, д. 34, п. 97, л. 25.

⁹⁵ Там же, л. 25–26.

⁹⁶ Там же, л. 44.

⁹⁷ Там же.

ская дипломатия, в отличие от восточногерманской, во второй половине 60-х годов говорила о том, что Западный Берлин находится не на территории ГДР, а внутри ГДР.

В конце февраля — начале марта 1970 г. уже было ясно, что СССР и западные державы придерживаются едва ли не противоположных мнений относительно того, какие вопросы должны находиться в центре внимания на предстоящих переговорах. С точки зрения советской дипломатии, это, прежде всего, вопросы о непринадлежности Западного Берлина к ФРГ и прекращения на его территории деятельности, направленной против СССР, ГДР и их союзников. По мнению западных держав, первоочередное значение имел вопрос о доступе в Западный Берлин. Советская дипломатия не уклонялась от обсуждения этого вопроса, но не считала его наиболее важным. При этом обе стороны понимали, что соглашение четырех держав по Западному Берлину обязательно должно быть дополнено соглашением между правительствами ГДР и ФРГ о транзитных перевозках гражданских лиц и грузов между Западным Берлином и ФРГ.

Таким образом, четыре державы достигли договоренности относительно срока и места совместных бесед об улучшении положения в Западном Берлине и вокруг него, устранения трений в этом районе, содействия нормализации обстановки и обеспечения безопасности в центре Европы. Конкретные пункты повестки дня стороны не уточняли. Первая встреча посла СССР в ГДР и послов трех западных держав в ФРГ состоялась 26 марта 1970 г. Начало четырехсторонних переговоров по Западному Берлину стало заметным шагом вперед на пути к укреплению мира в Европе.